

6. Mokienko V. M. O metodologii sopostavitel'nogo analiza russkoj i nemec-koj frazeologii // ROSSICA OLOMUCENSIA XXXVIII (ZA ROK 1999). – Univerzita Palackého v Olomouci v roce, 2000. – S. 337–350.

7. Mokienko V. M. Nacional'no-kul'turnyj i kognitivnyj aspekty frazeolo-gicheskoj nominacii : obwee i razlichnoe // Nacional'no-kul'turnyj i kognitivnyj aspekty izuchenija edinic jazykovoju nominacii : mat-ly Mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. (g. Kostroma, 22–24 marta 2012 g.) / pod nauch. red. A. M. Melerovich. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2012. – S. 9–13.

8. Pimenova M. V. Konceptual'nye issledovanija / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'eva. – Moskva : FLINTA : Nauka, 2011. – 176 s.

9. Hohlina (Lapteva) M. L. Ontologija kul'turno-kognitivnogo analiza «Svoego i «Chuzhogo» vo frazeologicheskoj paradigme : monografija / M. L. Hohlina (Lapteva) ; nauch. red. L. G. Zolotyh. – Astrahan' : ID «Astrahanskij universitet», 2011. – 141 s.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОДАЖЕЙ СОЛИ, В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лебединская Виктория Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9; докторант, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, e-mail: lebedinsa2006@rambler.ru.

Статья посвящена лексике, связанной с производством, перевозкой и продажей соли. Исследование строится на материале архивных и опубликованных материалов, а также исторических словарей. Пласт лексики XVI–XVII вв. большей частью составляет скорописная учетная документация монастырей, непосредственно занимавшихся солеварением. Архивные материалы позволили автору описать цепочку от получения соли до ее продажи. Эта группа по своей функциональности является достаточно обособленной, так как данная лексика в своем большинстве употреблялась только для процесса добычи и продажи соли.

Ключевые слова: соляной промысел, наименования соляных мер, взвешивание, русская метрологическая система.

THE LEXICON CONNECTED WITH PRODUCTION AND SALE TO SALT IN THE HISTORY OF RUSSIAN

Lebedinskaja Victoria G., Candidate of Philology, assistant professor, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Stavropol Region, 9, Kalinin st.; doctoral candidate, Moscow pedagogical state university, 119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., 1, p. 1, e-mail: lebedinsa2006@rambler.ru.

This article is devoted to the lexicon connected with production, transportation and salt sale. Research is under construction on a material of the archival and published materials, and also historical dictionaries. The layer of lexicon of the XVI-XVII centuries is made mostly by skoropisny registration documentation of the monasteries which were directly engaged in salt production. Archival materials allowed the author to describe a chain from receiving salt before its sale. This group on the functionality is rather isolated as this lexicon in the majority was used only for process of production and salt sale.

Key words: hydrochloric trade, names of hydrochloric measures, weighing, Russian metrological system.

Производство соли на Руси было одним из древних и важных промыслов: было три основных центра по производству этого товара (Русский Север, регионы Астрахани и Сибирь). Усолья – непосредственные места добычи соли. Использовались в ос-

новном два способа ее получения: выпарка соли из морской воды (на Русском Севере) в «црене» (или «чрене» – специальной сковороде, располагавшейся в центре варницы и занимавшей ее основное пространство) в варницах и из солончаков (на юге).

Соляной промысел вели крупные монастыри, и соль составляла главную статью их доходов: монастыри, производившие соль и торговавшие ею, были достаточно зажиточными. Так, например, в челобитных в Москву власти Соловецкого монастыря постоянно повторяли, что «питаются они своими трудами: от начала жития преподобных Зосимы и Савватия чудотворцев у моря соль варят... Что соли уварят своими труды, и ту соль возят в лодьях на Двину мимо Архангельской город на Колмогоры, а с Колмогор в судех мимо Устюга Великого и Тотьму возят к Вологде, и на Вологде продают, и на те на соляные денги на Вологде и на Устюге покупают всякой хлебной запас и товар про монастырской обиход» [3, с. 93]. Конечно, земледелием в определенной степени занимались даже соляные вотчины, но хозяйство их концентрировалось, главным образом, в области производства и продажи соли.

В источниках монастырей, занимавшихся соляным промыслом, можно найти описания некоторых этапов процесса сбыта соли, так как каждый этап сопровождался денежными тратами, которые монастырские приказчики и старцы обязаны были фиксировать письменно: «Маия въ 24 день отпустил лодю с солюю к Кологорама в полном грузу служебником Симаном / Грузячи лодью дано метчиком в Неноксы от метки соляные двум члвкам Мишку Олуферову с товарищемъ шесть алтнъ караульщику Лодейному дано в кою пору лодью грузили Тимофею Давыдову десять денег / Нагрузя лодью пел молебн на лодьи Всемиловитову Спсу і Пчстои Бдцы і Николю Чюдотворцу дано от молебна попамъ с причетники на соборъ четыре алтны / На Колмогорах дано от вытруски лодейной метчикамъ і держалникамъ шесть алтнъ / Имал проходную память того первого путя дано от памяти два алтны четыре денги / Ходячи на лодьи того путя издержал на артели слуга Симанъ три алтны две денги» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 505. Л. 47–48. 1658 г.).

Меры, которые использовались для измерения соли, были тесно связаны со спецификой ее производства и продажи. Если при продаже государство предписывало взвешивать соль (товар был дорогим, поэтому требовал точности измерения), то при ее производстве – с самого начала этого процесса вплоть до привоза на рынок – использовались меры приблизительные. Причем эта приблизительность, как показывает изучение источников, состояла иногда в десятках и даже сотнях килограммов. В источнике XVII в. говорится: «А отпускана въ судѣхъ соль въ вѣсѣ, а рыба въ счетѣ, а вмѣсто окладу суды смѣчали и мѣрили длину и поперечникъ и грузъ въ сажени» (Наказ астраханским воеводам. 1628–1629 гг. АИ III, 278).

О необходимости перевешивать соль постоянно говорится в царских грамотах и других документах: «Будеть ли въ тѣхъ судѣхъ лишняя соль, и рыба, сверхъ астраханского отпуска и вѣсу и проѣзжихъ грамотъ, и того въ Государевѣ грамотѣ имъ не указано, а толко де въ Казани у торговыхъ людей на астраханскихъ судѣхъ рыба вся выгружати и перечитати ее въ число и соль перевѣшивати въ пуды (там же, 274); Сентября въ 1 де продал соли // ухтостровцу Андрею Шиленских 200 пуд по 7 де взял 7 рублей» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2–2 об. 1701 г.).

Среди соляных мер мы не отмечаем какой-либо системности. Все использовавшиеся меры были приблизительны по вместимости и отвечали только одному требованию – удобству в использовании. В одном из источников XV в. приблизительное количество соли определяется как «полварницы» и «четвертина варницы»: «Соли монастырская же ихъ полварницы... Да и въ иныхъ варницахъ три четвертины» (Жалованная грамота Великой Княгини Марии Ярославовны Чухломскому Покровскому монастырю. 1450 г. АИ I, 98).

«Варя» – произведенное в один прием приблизительно определенное количество соли либо такое же количество рассола: «Взято у Харламовых кортомы за росол из задние трубы за три полувари двенатцат рублей. Взято у Івана Фирсова за полувари за росол задние трубы корьтомы четыре рубля» (РГАДА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 138. Л. 7. 1622 г.). В источниках XVII в. указано, что соль продавали ладьями; видимо, речь

шла об оптовой продаже: «Продано соли в первой пут на Колмогорах Дементью Мелникову *деѢ лодѣ* вышло 75 рогож а в них отвѣшено соли 2260 пуд» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 7. Л. 4об. 1602 г.); «Июля в 29 дн ходил старец Гуреи на лодѣ в Унское усоле посол к старцу Варсоноѣ и старец Гуреи *лодѣ соли* на Колмогорах продал и привез мѢ тѢх денег соляных за пошлиною 74 рубля» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 27. Л. 5. 1607 г.); «Мсца маяя въ де отдал я же Аникеи на Колмогорах *лодѣ соли полну і ис тое лодѣ вышло 58 мѢховъ болших...* В мсцы іюнѢ я же Аникеи на Колмогорах отдалъ *лодѣ соли* старцу Варламу і *ис той лодѣ соли выбито 61 мѢхъ*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 18. Л. 4об. 1651 г.). Таким образом, на одной ладье («полной») можно было вывезти приблизительно 60 мехов соли (обычных мехов 61, а больших 58).

Чтобы проследить всю цепочку измерения северной соли на разных этапах, кратко опишем составляющие этой цепочки. Когда выпаренная из морской воды соль была еще влажной, ее выгребали из црена на специальные полаты («сугребы»), где она просушивалась и приблизительно измерялась. Далее соль засыпали в мягкую тару: мехи, мешки, рогожи, рогозины, пошеви – и переносили в амбар. На этом этапе количество соли измерялось уже точнее. Далее в этих мешках соль грузили («волочили») на судно (ладью, дощеник, насад и др.) и после приезда на место пересыпали в присутствии посадских людей, в работу которых входили обязанности по учету товара, из мешков в специальную указную кадь и обязательно взвешивали.

Процесс измерения количества привезенной в посад соли находился под контролем государства, так как за ним обязаны были строго следить местные власти (люди, измерявшие соль, приводились к крестному целованию – чтобы взвешивали и измеряли все честно), и за «весчее» брался государственный налог (пошлина). Приведем здесь отрывок из источника XVII в.: «Астраханскимъ посадскимъ людемъ Василью ПатрекѢву съ товарищи, приведчи ихъ къ крестному цѢлованью, Ѣхати на Караузикъ, гдѢ въ солелные въ болшіе суды соль насыпаютъ, и приказали имъ и въ наказъ велѢли написати съ великимъ пристрастиемъ, чтобъ они въ насады и въ болшіе суды монастыремъ и торговымъ всякимъ людемъ соль мѢрили въ указную кадъ, какову они заоря имъ дали, припустя при себѢ извѢря гораздо на контарь, и велѢли соль насыпати въ суды въ тое указную кадъ прямо вправду, безъ привѢсу и безъ недовѢсу, чтобъ впередъ однолично въ соляныхъ судѢхъ, сверхъ ихъ вѢсу, соли въ лишкѢ и въ недовѢсѢ не объявилось ни одного пуда» (Наказ астраханским воеводам. 1628–1629 гг. АИ III, 272).

Если соль засыпалась в мешки еще влажной, невысушенной, то со временем ее вес мог изменяться, что приводило к убыткам покупателей. Поэтому предписывалось измерять указными калями и взвешивать только высушенную соль: «И тое соль высыпав изъ кади, велѢли высушить, а какъ будетъ суха, и тое соль указали всыпать въ тужь кадъ, въ которую припускана и припускать вдругорядъ на контарь, и тоѢ соли въ пересушкѢ что убудеть, или сколко пудъ у кади убудеть, или убыли не будетъ, а противъ прежняго припуску на контарь въ вѢсу будетъ та соль сполна» (Наказ астраханским воеводам. 1628–1629 гг. АИ III, 276–277).

Среди соляных мер в источниках встречаются как наименования с весьма ограниченным количеством словоупотреблений («головажня», «помытница» и др.) или территориальные наименования (например, «сугребъ» на Севере), так и те, которые в силу частоты своего использования в соляном промысле и общерусского распространения в метрологической практике имеют неограниченное количество употреблений в текстах («мехъ», «рогожа» и др.). В ряду соляных мер отмечается наименование «куль», который использовался при измерении не только соли, но и зерновых культур и продуктов их переработки. Данный факт объясняется практичностью самой меры: ее сравнительно небольшой вместимостью и вследствие этого удобством в использовании.

Ограниченное количество словоупотреблений некоторых наименований в ранних источниках может быть связано, на наш взгляд, с тем, что эти наименования в начале письменного периода на Руси уже выходили из употребления и уступали место другим.

Голважня. В качестве исключительно соляной меры в ранних письменных памятниках документируется «голважня (голважа, головажня)». Этимологию исследователи связывают со словом «голова» [1, с. 217]. Старобелорусскому языку в значении «единица количества сахара и соли» известна «головажня» [4, с. 13]. Эту меру можно назвать хронологически первой из фиксирующихся в источниках соляных мер.

Исследователи исторической метрологии высказывали предположение относительно количественного содержания меры, о которой известно очень мало. Мы даже не знаем, что представляла собой голважня внешне: это был какой-то сосуд, мешок (сумка) или просто кусок соли какого-то приблизительного размера. Автор «Записки для обозрения русских древностей» писал, что мера эта очень древняя, поэтому нам неизвестная (Записка для обозрения русских древностей, 74. 1851 г.). Действительно, ограниченное количество словоупотреблений в ранних источниках не позволяет сделать каких-то определенных выводов относительно вида меры и ее вместимости: «Вирнику взятти... хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 уборковъ, а гороху 7 уборковъ, а соли 7 *голважень*» (Р. Прав. Яросл. по Син. сп. XIV в. ~ XII в. Срезневский I, 5441); «А куровъ ему по двое на день, а хлѣбовъ 7 на неделю, а пшена 7 уборковъ, а гороху тако же, а соли семь *голважень*» (Соф. I л. XVв., под 1019г. КДРС); «Соль прежде драго продаваху по два *головажне* [вар.: *голважи*] на куну» (Патерик Печ., 108. XV в. ~ XIII в. Словарь XI–XVII вв. IV, 60). Других употреблений наименования соляной меры в источниках не отмечается.

Согласно имеющимся контекстам, 7 голважень составляли недельную порцию вирника, сбощика виры (денежного штрафа за убитого человека), поэтому можно предполагать, что мера была не очень большой. По мнению В.О. Винника, это также была мера небольшая, и, возможно, равнялась приблизительно 200 г [1, с. 217].

Помытница (помытня). Данные наименования входят в один этимологический ряд с наименованиями мер сыпучих веществ «помытина» и «помытка», которые отмечены в источниках позже – с XVII в. Корень *мыт-* оказался продуктивным в образовании названий мер в народной метрологической практике [2, с. 118–119]. Возможно, тот же корень наблюдаем в древнерусском слове *мыто* («вид торговой пошлины»). Предполагаем, что время появления перечисленных выше слов, обозначающих меры сыпучих тел, может быть связано с бытованием указанной торговой пошлины.

В источниках XV в. фиксируется соляная мера «помытница»: «Дал есмь на них пятьдесят бел, да *помытницу* соли пополнька» (1430 г. АСВР I, № 150); «Дал есми на них сто бел шездесят бел, да пополнка четыре *помытницы* соли» (1435 г. АСВР I, № 121). В других текстах наименование нам не встретилось.

В источниках с XVI в. документируется «помытня» в качестве соляной меры: «А варя, гдрь, всякая по сту *помытен* да по двацати из вари из одное» (Частн. пис., 143. 1537 г. Словарь XI–XVII вв. XVII, 41); «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б с тех варниц, которые оне ныне дадут на оброк, с пуда и с *помытни* пошлины не имал по нашей жаловальной грамоте» (Д. опричн., 487. 1578 г. Словарь XI–XVII вв., там же); «А которую де соль Троецкие старцы продавали отъ невелика, и то дешевою цѣною, передь ихъ не доимали трети у всякия *помытни*» (1633 г. АИ III, 319). Количество словоупотреблений в исторических текстах данной меры невелико, однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований считать помытню мерой сыпучих тел (Словарь XI–XVII вв. XVII, 41), во всех имеющихся контекстах она выступает как мера исключительно соляная.

Сугребь. Сугребами на Русском Севере назывались специальные полки, полати, на которые выгребалась, сгребалась выпаренная в црене соль для просушки. Этимологически диалектное «сугребь» родственно словам «сгребать, сугроб»: сугребь – «приблизительное количество чего-либо; того, что сгребли в один ворох, груду, бугор» (Даль IV, 353). «Посугребно» в источниках выступает антонимично к наречию «врознь»: «Купил я старец Феодосеи соли в Унскомъ усоле мѣлкимъ зборомъ врознь и *посугребно* у Селивана Немкова 167 пуд с полупудом дано за всякои пуд по два

алтна по 4 де итого дано тринацет рублевъ десять алтнъ четыре денги» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 541. Л. 22об. 1662 г.).

Данное количество соли (сугребъ) было весьма приблизительным и требовалось только для предварительного неточного подсчета соли: «Февраля въ 15 ден сварено на наволокъ въ глубокой варнице своих 4 *сугреба* дал валовог і выливки рубль 2 алтна 4 де» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 4. Л. 12. 1608 г.); «Сварил на великих в новой варницы шесть *сугребов* дал валовог и выливки два рубля семь алтын две денги» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 62. Л. 30об. 1615 г.); «Варено в заслоновской варницы на кортому у Ивана Шалгачева да у Селивана Сухорукова с товарищи 12 сугребовъ /соли/» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 18. Л. 36об. 1615 г.); «Декабря въ 1 днь кортомилі цырена у Григорья Зваги двацет три *сугребъ* дано с *сугреба* по 6 ал по 4 де итого денег четыре рубли двацет алтнъ» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 149. Л. 17. 1631 г.); «Мсца ноября въ 21 днь сварили въ казеной варницѣ три *сугреба* с *сугреба* дано по осми алтнъ з денгою итого денег двацет четыре алтны 3 де... Того же мсца въ 26 днь сварили въ передной варницѣ пят *сугребов* с *сугреба* дано по осми алтнъ з денгою итого денег сорок алтнъ 5 де» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 11. Л. 8об. 1643 г.); «Сварили въ казеной варнице три *сугреба*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 11. Л. 8об. XVII в.); «Сварили въ казеной варнице три *сугреба* с *сугреба* дано по осми алтнъ з денгою» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 11. Л. 8об. 1648 г.); «Сварено соли в казеной варницы 68 *сугребовъ*»; «Сварено соли в средней варницы 58 *сугребовъ*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 541. Л. 23. 1662 г.); «Да соли в анбарех по скаски старца Вастьяна отведено вареной двѣсти двенатцет *сугребовъ*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 28. Л. 11. 1662 г.); «В анбаре соли сто десять *сугребовъ*... У Петровского мосту другой анбаръ у него двои дври и у дври двѣ замка висучих и замок задоросчатой, соли в том анбаре сто 36 *сугребовъ*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 35. Л. 3. 1672 г.). В источнике Пертоминского монастыря отмечено деление сугреба: «Соловаром за *полсугреба* по той же Федоровской варницы» (ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 73. Л. 12. 1692 г.).

Отметим, что в источниках XVII–XVIII вв. наблюдается тенденция к взвешиванию [2, с. 116–118]: «Выставил *лодю* соли на Колмогорах старецъ Яков в осеннем пут в останошной а в ней 2000 пуд»; «Взял соли у казначея сто *пуд*» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 116. Л. 49. 1626 г.); «Куплено соли про мнстрской ѡбиходъ пять *пуд* дватцет шесть фунтъ» (ГААО. Ф. 308. Оп. 2. Д. 1. Л. 8. 1643 г.); «С продажной соли с полторых тысяч *пуд* плачено 5 рублев 24 алтна да подемышником 10 алтын» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 157. Л. 30. 1652 г.); «Купил соли полтринацата *пуда* дал за пудъ по двенатцети алтнъ з денгою» (ГААО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 3. Л. 19. 1662 г.); «Соли сорокъ *пуд*» (ГААО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 116об. 1695 г.); «Продано зимою ѡнежанам в Унском усольи казеной соли осмьсот тритцет *пуд*» (ГААО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1148. Л. 4. 1701 г.). Данные записи приводятся в текстах уже без указания на какую-либо приблизительную бытовую меру.

В приходных книгах Унского усолья, принадлежащего Николо-Корельскому монастырю, и усольи Пертоминского монастыря (монастыри Русского Севера) нами отмечены случаи, с помощью которых представляется возможным судить о количестве вываренной соли «в один чередъ» и о приблизительном количестве сугребов в варнице: «Сварено соли на *двух* варницах *дватцат* три *сугреба*» (ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 73. Л. 6об. 1639 г.); «Возили из варницы 24 *сугреба* по 2 де с *сугреба* итого денег осмь алтнъ» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 11. Л. 6об. 1643 г.); «Августа 13 г числа да по ... апреля по 6 число сварено в монастырской средней варницы на долгих желобахъ соли *сто* *десять* *сугребовъ* а по *очередно* *одиннатцетеры* *череды* и с тѣх *чередовъ* давано соловаром со всякого десятка сугребовъ от *чередовъ* по 2 рубли по 15 алтнъ а в дочет со всякого сугреба по осми алтнъ зъ 1 де а из сугреба им соловаром всѣм четверым чловѣкомъ по шти пуд а по осми денег пуд соли» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 18. Л. 37. 1651 г.); «190 г года ноября съ 17 г числа да по 191 год [то есть с 1682 по 1683 г. от Рождества Христова – В. Л.] ноября по то же число *сварено соли* в казеной варницы у Васильевского колодезя *дватцат* *двои* *череды* а во *вся-*

кихъ чередах по десяти сугребовъ итого всеи соли двести дватцетъ сугребовъ» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 751. Л. 78об. 1682 г.).

Таким образом, приблизительное максимальное количество сугребов, получавшихся за одну «варю», составляло приблизительно 12, и, следовательно, один сугреб равнялся 1/12 части варницы. Разумеется, это весьма приблизительные выводы, так как и сам сугреб был примерной единицей измерения.

Приблизительная вместимость сугреба устанавливается на основании следующего контекста [2, с. 117]: «Варено 95 сугребов а соли приходило с сугреба по 30 пуд» (Арх. Он. № II, л. 12. 1658 г. КДРС). Таким образом, приблизительное весовое значение одного сугреба вываренной соли – 30 пудов, или 480 кг. Полсугреба – приблизительно 15 пудов, или 240 кг.

В севернорусских источниках XVII в. «сугребъ» используется еще в двух значениях: «количество выпаренного в щене рассола» и «количество дров, подвозимых к варницам для выварки соли» [2, с. 118]: «Федор да Василей Федоровы дѣти Третьяковы ненокшанѣ на смердых мѣстех росолу осмой сугреб за шесть рублей и мы им в том росоле и вкладную дали» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. 1601 г.); «Купил у Григоря Трубина на смердых мѣстех росолу полшестонаццатог [то есть 15,5 – В. Л.] сугреба додал ко вкладу его 2 рубля» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 7. Л. 49. 1602 г.); «А росолу у него ис Племники полтора сугреба... црковного воскресенсково росолу из Солзы полсугреба» (ГААО. Ф. 191. Оп. 3. Д. 29. Л. 1. 1619 г.); «Да на Великих мѣстех въ Гришневе варнице сугреб росолу» (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 3а. 1622 г.); «На наволоке ж в Николскои варницѣ полпята [то есть 4,5 – В. Л.] сугреба росолу» (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 3б. 1622 г.); «Наваживал к варницѣ два сугреба [дров – В. Л.] и носили» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 11. Л. 6об. 1631 г.); «На двенадцать сугреб разсолу на варницах» (ГААО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 23. Л. 1. 1656 г.); «Иосифъ же навозиль к варницы дров дватцет пят сугребовъ» (ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 30. Л. 4об. 1680 г.). Сугреб функционально не мог использоваться для измерения жидкостей (рассола), так как сугреб – «полати, полки». Поэтому в данном случае имеется в виду количество рассола, из которого после будет получено приблизительное количество соли в сугребах.

Пудъ соляной, пудница, пудовикъ. Данные наименования соляных мер восходят к известному в метрологической практике древнему слову «пудъ» и по своему значению являются аналогом известному названию меры веса (пуд – 16 кг). Интересным в данном случае представляется факт «перехода» меры веса в меру сыпучих тел: *пудъ соляной, пудница, пудовикъ* – севернорусские названия соляных мер, вместимость которых равна пуду: «Да отдати долгу соли в Каргопол Ондрию Федорову сну Темникову сорок пуд на владычье отмерит» (ГААО. Ф. 792. Оп. 1. Д. 168. Л. 6. 1620–1630 гг.). Согласно В.И. Далю, емкости с этим корнем в говорах XIX в. обозначали кадочки в один пуд (Даль III, 536). Однако в севернорусских источниках XVII в. документируются несколько видов пудов и представляется затруднительным говорить однозначно о вместимости каждого или об одной вместимости всех.

Наименования документируются в источниках XVI–XVII вв.: «Мсца октября в 14 днь Остафин сын дал 2 ал за соляной пуд» (ГААО. Ф. 829. Оп. 3. Д. 5. Л. 2об. 1597–1598 гг.); «Порочек росолних шесть двѣ полѣмеры ржаных четверик осмина пуд соляной» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 35. Л. 12об. 1672 г.); «У Андрея Елизарова куплена пудница чем соль мѣрят» (А. Он. 1672 г. КДРС); «Продано соли пудовиком врознь... 92 пуда» (Арх. Онеж. Кр. м. 1673 г. КДРС).

В следующих записях из монастырских книг упоминаются «пудъ мерной», «пудъ головной», «пудъ метный» («монастырский пудъ тяжелой мети»): «Продал соли 2054 пуд по алтну пуд мѣрной» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 7. Л. 7. 1602 г.); «Марта въ 18 ден взял соли слуга домашнои Парфеневъ 1070 пуд мѣрных по 9 де пуд итого 48 рублей 20 алтн... Генваря въ 8 ден взял соли в монастыр слуги федор Сибирецъ Данило Брагин 80 пуд головных по 2 алтын пуд... В другои пуг на Колмогорахъ отдал старцу Спиридону да слугѣ Третьяку лодю соли а в неи 1626 пуд головных по 2 ал по 2 де пуд» (ГААО. Ф. 191. Оп. 4. Д. 4. Л. 17. 1608 г.); «Феврала въ 23 дн вывезли на наемных лошадах соли на Колмогоры в анбар тысячу двѣсти дватцат пуд мѣрных»

(ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 62. Л. 23–23об. 1615 г.); «Да унские же соли пошло в один-натцати кулях в малых по пяти пудов метных и тое соли пятьдесят пят пуд» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 116. Л. 40. 1626 г.); «Июня въ 8 днь спровадил старец тилофии в первой пут на Колмогоры лодью соли... а в лодье соли две тысеци шестьсот головных пут в те поры купил на посадѣ по 2 ал по 2 де пудъ» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 149. Л. 23 об. 1631 г.); «Декабря въ 14 днь послал соли в мнстръ на мнстрских лошадях старцем виларетомъ сорок пять пудъ в мнстрской пуд тяжелой мети... Марта въ 19 днь послал соли в мнстръ на мнстрских конях з дияконом Пахомием двести семьдесят четыре пуды метных в мнстрской пуд» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 505. Л. 82. 1658 г.); «Платил... соли з дву мнстрских варницъ священнику Андрѣю Иванову с причетники сто пудов метных в тое соли і отпись взята за рукою» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 751. Л. 83. 1682 г.).

Возможно, в приведенных выше записях монастырских книг говорится о названиях емкостей с корнем *пуд-*, не соответствующих по вместимости мере веса «пуд». Последние контексты свидетельствуют о том, что были местные разновидности таких емкостей («монастырский пуд тяжелой мети» и др.). «Метный» пуд (тяжелой «мети») – этимологическое родство с глаголом «наметывать», то есть «набрасывать, насыпать» (в данном случае соль).

Таким образом, лексика, связанная с производством и добычей соли, представляет совершенно обособленную группу, так в своем большинстве не употреблялась для обозначения чего-либо другого. Наименования соляных мер по своей функциональности – также относительно обособленные группы в лексической системе метрологических наименований и в русской метрологической практике.

Принятые сокращения¹

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб. : типография II Отделения собственной Ее Императорского Величества канцелярии, 1841–1842. Т. 1–5.

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. М., 1952. Т. 1.

ГААО – Государственный архив Архангельской области (г. Архангельск).

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб. : Типография Э. Праца, 1846–1875. Т. 1–12.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1–4.

КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (г. Москва).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

Словарь XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975.

Срезневский – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1–3.

Список литературы

1. Винник В. О. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові : дис. ... канд. філол. наук / В. О. Винник. – Київ, 1964. – 301 с.

2. Лебединская В. Г. Наименования мер сыпучих тел в русском языке XI–XVII веков : дис. ... канд. філол. наук / В. Г. Лебединская. – Москва, 2000. – 179 с.

3. Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. / А. А. Савич. – Пермь, 1927.

4. Скурат К. В. Наименования метрических единиц в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / К. В. Скурат. – Минск, 1971. – 18 с.

¹ Принятые сокращения названий письменных памятников в работе даются по «Указателю источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв.» / сост. С. Ф. Геккер, С. П. Мордовина, Г. Я. Романова. М. : Наука, 1975. 128 с.

References

1. Vinnik V. O. Nazvi odinic' vimiru i vagi v ukrains'kij movi : dis. ... kand. filol. nauk. – Kiiiv, 1964. – 301 s.
2. Lebedinskaja V. G. Naimenovaniija mer sypuchih tel v russkom jazyke XI–XVII vekov : dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2000. – 179 s.
3. Savich A. A. Soloveckaja votchina XV–XVII vv. – Perm', 1927.
4. Skurat K. V. Naimenovaniija metriceskikh edinic v starobeloruskom jazyke (na materiale pis'mennyh pamjatnikov XV–XVII vv.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Minsk, 1971. – 18 s.

ЯЗЫКОВОЕ ТАБУ: ЭВФЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мэй Вэньчжан, магистрант, сотрудник международного управления, Харбинский политехнический университет, 150001, Китай, Харбин, 92 Вест Дэжи-Стрит, Район Бригады Нэн, e-mail: iea3@hit.edu.cn.

Табу существует на каждом языке. Так как табу, как принято думать, грубо, невежливые, вульгарные и наступательные, люди склонны к инстинктивно или сознательно избегают использования их. Практически люди часто используют эвфемизм, чтобы заменить эти слова. Эвфемизм был порожден из древнего табу. Наряду с социальным прогрессом и развитием человеческой цивилизации, эвфемизм долго существовал как важная часть вербальной коммуникации и продемонстрировал сильные способности вербальной коммуникации. Эвфемизм как языковое искусство играет важную роль в современном русском языке, поэтому приобретение знаний о коммуникативной функции эвфемизмов поможет нам много выучить русский язык и выполнить эффективную межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: языковое табу, эвфемизм, социальная культура.

LANGUAGE TABOO: THE EUPHEMISM IN MODERN RUSSIAN

Mae Venchzhan, undergraduate, employee of the international management, Harbin institute of technology, 150001, China, Harbin, 92 West Dazhi Street, Nan Gang District, e-mail: iea3@hit.edu.cn.

Taboo exists in every language. Since taboo is generally thought to be rude, impolite, vulgar, and offensive, people are inclined to instinctively or deliberately avoid using them. In practice, people often use euphemism to replace these words. Euphemism was originated from the ancient taboo. Along with social progress and development of human civilization, euphemism has long been existed as an important part of verbal communication, and has demonstrated strong verbal communication capabilities. Euphemism as a language art plays an important role in modern Russian. Therefore learning about the communicative function of euphemisms will help us a lot to learn Russian and carry out effective cross-cultural communication.

Key words: language taboo, Euphemism, social culture.

В каждом языке есть слова, употребления которых инстинктивно или намеренно избегают, поскольку говорящие или слушатели считают их либо неприятными, грубыми, либо невежливыми, низкими. Поэтому люди часто используют заменители таких единиц, называемые эвфемизмами. Эвфемизмы берут свое начало в древних табу, а с развитием цивилизации, общества, культуры они получают большое развитие.

Русский язык богат эвфемистическими выражениями, которые играют важную роль в социальных и межличностных отношениях. Несомненный интерес представляют вопросы происхождения русских эвфемизмов, а также отражения в них социально-культурных знаний русского народа.